

ОБРАТНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

BACK-WORDFORMATION IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN LANGUAGE

**I. Dobrodomov
A. Kamchatnov**

Summary. the article critically examines the model of non-affixing word formation and the hypothesis that such nouns with the meaning of abstract action as *vygul*, *otžim*, *nagar*, *posyl* are formed by the so-called zero-affixation, and also substantiated the hypothesis of the origin of these words by back-wordformation in the history of the Russian language.

Keywords: history of the Russian language, back-wordformation, word-formation relation, zero suffix, semantics of abstract action, synchrony, diachrony.

Добродомов Игорь Георгиевич

Д.филол.н., профессор, Московский педагогический
государственный университет
lg4@mail.ru

Камчатнов Александр Михайлович

Д.филол.н., профессор, Московский педагогический
государственный университет
asya28@list.ru

Аннотация. В статье критически рассмотрены модель безаффиксного словообразования и гипотеза о том, что такие имена существительные со значением отвлеченного действия, как *выгул*, *отжим*, *нагар*, *посыл*, образованы при помощи так называемой «нулевой» аффиксации, а также обоснована гипотеза происхождения этих слов путем «обратного» словообразования в истории русского языка.

Ключевые слова: история русского языка, словообразование, словообразовательное отношение, нулевой суффикс, семантика отвлеченного действия, синхрония, диахрония.

В статье [3] мы утверждали, что имена и глаголы вроде *воз* и *везти* не связаны отношениями словопроизводства, что они лишь соотнесены по смыслу, потому что у них общий корень — носитель этого смысла; если мы хотим общаться по поводу этого смысла, сделать его предметом сообщения, то должны оформить его как имя, чтобы оно смогло быть субъектом или объектом высказывания, что и совершалось при помощи суфф. **ō*: **voz-ō-s*; если же мы хотим понять этот смысл как действие, совершаемое неким субъектом, то должны этот смысл оформить как личный глагол, например, так: **vez-o-m*, **vez-e-tb*; иначе говоря, изначально смысл оформляет себя в соответствии со своим коммуникативным заданием, а сами имя и глагол не производны один от другого, а лишь соотносительны по смыслу. Продолжим эту тему.

Понятие соотносительности используется в лингвистической, особенно этимологической литературе, однако непоследовательно, что наглядно видно при чтении выпусков «Этимологического словаря славянских языков», например: праслав. имя **běgъ* является «отглагольным именем, **производным** от **běgt'i*, **běgati*» [9. Вып. 2. С. 62]; праслав. имя **blōdъ* — «отглагольное имя с *o*-вокализмом, **производное** от основы гл. **blēdъ*, **blēsti*» [9. Вып. 2. С. 127]; праслав. **bodъ* 'укол' — «имя со старым *-o*-вокализмом корня, **соотносительное** с гл. **bodъ*, **bosti*» [9. Вып. 2. С. 154]; праслав. **borъ* — «имя с вокализмом *-o-*, непосредственно **соотносительное** с гл. **bъrati*» [9. Вып. 2. С. 218]; праслав. **gonъ* — это «название действия, **соотносительное** с **gъnati*, **ženъ* и **goniti*» [10. Вып. 7. С. 27].

Как видим, в одних случаях имя интерпретировано как **производное** от глагола, в других случаях — как **соотносительное** с глаголом. Причина этой непоследовательности, по-видимому, заключается в теоретической необоснованности понятия соотносительности. Такое обоснование, как нам представляется, можно найти уже в трудах А. А. Потебни.

Общение людей осуществляется при помощи высказываний, всякое высказывание есть сказывание чего-то о чем-то, то есть осуществляется по формуле *S* есть *P*. Чтобы коммуникация была успешной, слушающий должен сразу понимать, какое слово обозначает субъект, какое — предикат, а также объект и разные привходящие обстоятельства. Разные типы языков выработали разные способы выражения субъекта и объекта, в индоевропейских языках флективного типа такими способами стали морфологические средства: это могли быть как видоизменения звуковой формы корня (внутренняя флексия), так и присоединение к корню, выражающему некий отвлеченный смысл, неких маркеров, одни из которых имеют значение имени, которое выступает то как субъект, то как предикат, то как объект, то как обстоятельства, а другие имеют значение глагола, который выступает в роли предиката. Однако ни в коем случае не следует абсолютизировать формально-морфологический аспект слова при определении его принадлежности к части речи, что было свойственно фортунатовской лингвистической школе, и, напротив, следует помнить о замечательных мыслях А. А. Потебни о том, что грамматические категории могут выражаться не только формальными элементами слова, но и его

синтаксическими связями, его семантическими функциями в высказывании. Звук, являющийся грамматическим средством, может теряться, но это не значит, что тем самым перестает распознаваться грамматическая категория: «... если, при сохранении грамматической категории, звук, бывший ее поддержкою, теряется, то это значить не то, что въ языкѣ ослабѣло творчество, а то, что мысль не нуждается болѣе въ этой внѣшней опорѣ, что она довольно сильна и без нея, что она пользуется для распознаванія формы другимъ, болѣе тонкимъ средствомъ, именно знаніемъ мѣста, которое занимаетъ слово въ цѣломъ, будетъ ли это цѣлою рѣчью или схемою формъ» [6. С. 58]. «Схемою формъ» А.А. Потебня называл то, что сейчас принято называть парадигмой склонения или спряжения.

Эту глубокую мысль А.А. Потебни мы поясним таким примером. Какова грамматическая форма слова *зинерит*? Что такое *-ит* в составе этого слова? Неизвестно — до тех пор, пока мы не увидели его употребленным в составе высказывания, например, такого: «Если болит голова, прими *зинерит*»; здесь *зинерит* — это имя существительное в форме В. п., ед. ч., м.р., а финаль *-ит* является не морфемой а частью основы или даже корня. Но если мы увидим его в составе такого предложения «Погода сегодня ужасная / прекрасная — весь день *зинерит*», — то здесь *зинерит* будет уже безличным глаголом, в котором *-ит* будет уже окончанием со значением 3-го лица, ед. ч. настоящего времени; (ср. *моросит*)¹. Таким образом, следует признать, что синтаксис или, шире, коммуникативная деятельность порождает морфологию, или, чтобы выразиться более поэтично, из духа синтаксиса рождается морфология.

Из этого, на наш взгляд, следует, что изначально ни имя не образовывалось от глагола, ни глагол от имени; и то, и другое образовались независимо друг от друга, так сказать, параллельно, в составе единого высказывания, которое первично по отношению к морфологическим формам и является их рождающим лоном. В этом и заключается смысл выражения «имя, соотносительное с глаголом»: имя и глагол (например, **bĕgъ* и **bĕgti*), одновременно тождественны, так как имеют один и тот же корень, и различны, так как являются разными способами понимания выражаемого корнем смысла: в имени смысл понимается как субстанция, в глаголе — как действие. Понятие соотносительности как раз и выражает это одновременное тождество и различие имени и глагола, а термин *соотносительность* ввиду своей краткости и смысловой прозрачности удобен для употребления. На ранних стадиях существования языка

средством различения глагольной и именной основ служила апофония **vezti* — **vozъ*, **blĕditi* — **blōdъ* и т.д.

Если для бесприставочных праславянских имен и глаголов этот вопрос можно считать решенным, то для приставочных образований этот вопрос не так прост, причем чем ближе к нашему времени, тем этот вопрос становится запутанней. Как интерпретировать отношения между словами *нагорать* и *нагар*, *отжимать* и *отжим*, *припевать* и *припев*, *отзывать* и *отзыв*, *посылать* и *посыл* и т.п.? Что такое *упад* (*танцевать до упаду*), *пропад* (*пропади все пропадом*) *умолк* (*говорить без умолку*)? Эти имена соотносительны с глаголами *упасть*, *пропасть*, *умолкнуть* или образованы от них? Или имя или образовано от него?

Некоторые ученые полагают, что в во всех подобных случаях имеет место особый способ словообразования имен от глаголов, который они называют безаффиксным. Так, Н.М. Шанский дает такое определение этого способа: «Безаффиксный способ словообразования можно определить как такой способ производства слов, при котором образующая основа без добавления каких-либо аффиксов становится основой имени существительного» [8. С. 284]. С частью этого определения можно согласиться, а именно с тем, что именно глагол мотивирует образование имени, а не наоборот; однако в этом определении нет ответа на вопрос, как именно основа глагола становится основой существительного: отсутствие аффикса — это следствие, само по себе отсутствие аффикса не может быть действующей причиной образования имени, да и сам термин «безаффиксный способ» является оксюмороном.

Другое решение предложили специалисты по синхронному словообразованию: с их точки зрения, имена-девербативы типа *прогул* образованы при помощи так называемого нулевого суффикса: «Нулевая суффиксация является разновидностью суффиксального способа словообразования. Она распространена в сфере образования имен существительных — девербативов (отглагольных отвлеченных имен), деадъективов (отвлеченных существительных, мотивированных прилагательными) и оценочных существительных со значением лица: *пробегѡѡ*, *заменѡѡ*, *прогулѡѡ*, *зеленьѡѡ*, *новѡѡ*, *подлизѡѡ*, *задирѡѡ*. Наиболее продуктивны девербативы, состав которых активно пополняется в современной речи, см., например, зафиксированные словарями новообразования: *набрызг*, *просверк*, *защѣлк*, *взбрык*, *загад*. Кроме того, нулевая суффиксация характерна для ряда прилагательных: *золото* → *золотѡѡй*, *плевать* → *плевѡѡй*. Однако такие примеры немногочисленны» [5. С. 98]. Авторы этого учебного пособия следуют традиции, заложенной Е.А. Земской [см. 4] и реализованной в академической «Русской грамматике» 1980 г. Однако

¹ На самом деле *зинерит* — это не очень удачная транслитерация названия антибиотика *Zineryt* — сложносокращенного слова, составленного из частей таких слов, как *Zinc (acetate)* + *Erythromycin*.

такое решение нисколько не может удовлетворить историков языка, которых интересует не то, как это можно описать, а то, как оно было на самом деле. В этом отношении существен критический корректив, высказанный Н. М. Шанским. В случае «нулевой суффиксации» в одном ряду оказываются исторически разные образования: «Поскольку безаффиксный способ образования сформировался на базе суффиксального производства существительных посредством тематических суффиксов *ī, *ō, *ī, *a (> ъ, ъ), а в общеславянском языке лишь после процессов отпадения конечных согласных и монофтонгизации дифтонгов (что вызывало переразложение основы и превращение прежних суффиксов в окончания), от подлинных безаффиксных существительных необходимо отличать древние суффиксальные имена, ставшие осознаваться как безаффиксные (ср. *воз, высь, сушь, ложь, новь, бой, мор, дом, ток* 'течение' и др.). Особенно важную роль здесь играет учет хронологических факторов и данных других индоевропейских языков» [8. С. 286].

Наша критика простирается далее. В указанной выше нашей статье, как нам кажется, мы обосновали мысль о том, что «нулевой суффикс» — это мнимая единица словообразования, фантом, возникший на почве некорректного перенесения понятий и терминов, возникших при исследовании и описании парадигм склонения, на словообразование. Существенное различие между нулевым окончанием и «нулевым суффиксом» заключается в том, что нулевое окончание — это исторически закономерная трансформация реально звучавшего суффикса, превратившегося в окончание¹, некогда столь же реально звучавшее, но утратившее звуковое выражение в силу известного фонетического процесса падения редуцированных; образно говоря, нулевое окончание — это немое эхо исторически реального звука. В этой связи еще раз напомним слова А. А. Потебни о том, что «мысль», то есть то или иное грамматическое значение, может не нуждаться во внешней звуковой опоре, но может пользоваться для своего выражения местом, которое занимает слово в целом, будет ли этим целым высказывание или парадигма склонения или спряжения.

¹ Точнее, в суффикс. Этот термин придуман одним из авторов данной статьи для обозначения таких морфем, которые объединяют в себе одновременно и грамматические, и словообразовательные значения; понятие о таких морфемах было сформулировано еще Ф. И. Буслаевым, который заметил, что «иногда суффикс совпадает с флексией; напр., в словах *лом-ъ*, *вод-а* звуки *ъ* и *а* — суффиксы имен существительных, один муж. р., другой жен. р., — и вместе — флексии имен. пад. ед. ч.» [2. С. 92]; развивая эту мысль, Н. М. Шанский также писал: «Однако в некоторых словообразовательных типах имен окончание выступает не как формообразующий элемент, а как синкретическая, словоформообразующая морфема, являясь, собственно, не только окончанием, но и суффиксом, участвующим в образовании слова» [8. С. 109]; термин суффикс образован путем сокращения составного слова суффикс-флексия и удобен тем, что он, помимо краткости, сохраняет родство с суффиксом и показывает его способность в современном русском языке оформлять еще и внешнюю флексию.

В отличие от нулевого окончания, возникшего по фонетическим причинам на месте некогда произносившегося редуцированного, «нулевой суффикс» — это умозрительный конструкт, якобы тождественный по значению суффиксам отвлеченного действия или состояния (*-иј-, -ниј-, -ениј-, -к-*): «Если некоторое значение (грамматическое или словообразовательное) обычно выражается в системе языка аффиксом (флексией, суффиксом) или входит в ряд противопоставленных друг другу грамматических значений, выражаемых аффиксами, то при отсутствии такого аффикса и каких-либо иных формальных средств отмечается значимое отсутствие аффикса, т.е. данное значение выражено нулевым аффиксальным морфом» [1. § 187]. Если парадигма склонения действительно представляет собой систему, в которой каждый элемент определяется отношениями с другими, то никаких словообразовательных парадигм в русском языке нет (см.: 3. С. 17–18), следовательно, нет и «нулевых суффиксов».

Критическое рассмотрение гипотез предшественников лишь расчищает путь, но само по себе еще не решает вопроса об образовании имен со значением отвлеченного действия, соотносимых с приставочными глаголами. На наш взгляд, такое решение можно найти, привлекая понятие «обратного словообразования».

Традиционно обратное словообразование считается нерегулярным способом образования слов, так как лишь немногие слова исторически возникли таким путем. Классическим примером обратного словообразования (редеривации) является возникновение слова *зонт*. В XIX в. из голландского языка в русский язык вошло слово *zondek* — буквально 'навес от солнца'; в русской орфографии — *зонтик*, которое по аналогии со словами *ключик, мячик, домик* было переосмыслено как уменьшительное с суффиксом *-ик*, якобы образованное от несуществующего сущ. **зонт*, которое вот таким образом и вошло в русский язык. «Специфика обратного словообразования — в сравнении, например, с аффиксацией — заключается в том, что с помощью этого способа словопроизводства заполняется не четвертая (ср. *стратосфера: стратонавт = космос: космонавт*), а третья клетка словообразовательного квадрата (ср. *дом: домик — зонт: зонтик*), то есть происходит не деривация последнего члена квадрата на базе заданного предпоследнего по модели со вторым и первым, а выделение неизвестного предпоследнего члена из последнего по аналогии с первым и вторым, причем структура последнего члена «народноэтимологически» приравнивается к структуре второго. Чаще всего при обратном словообразовании происходит идентификация конечного звукового отрезка производящего слова с суффиксом понимаемого как аналогичное по структуре слова, выступающего в качестве второго члена словообразо-

вательного квадрата» [8. С. 291]. Таким же образом возникли слова *заведомый* от *заведомо*, *дояр* от *доярка*, *трудоустроить* от *трудоустройство* и некоторые другие.

Наше решение словообразования указанных имен существительных заключается в следующем. В языке издавна существует модель отношений «имя — глагол». При «прямом» словопорождении эта модель действует в направлении «имя → глагол», например, *ходить* → *ходь* → *ходить*, *возь* → *возить*. При таком же «прямом» словопорождении, но уже в направлении «глагол → имя» действует более поздняя модель, например, *входить* → *вхождение*. Однако в первом случае направление «глагол → имя» может стать и обратным. «Обратное» словообразование — это воспроизведение какого-либо уже сложившегося в языке отношения при условии, что мотивирующим выступает производное слово, а формально более простое по своей структуре слово производится так, как будто бы оно существовало в языке раньше мотивирующего.

Побудительным мотивом образования имен типа *выгул*, *отжим*, *нагар* и проч. является коммуникативная потребность. Язык — это средство общения, а в общении бывает необходимым сделать предметом, темой беседы, то есть речи, разного рода отвлеченности, которые в составе целостного высказывания должны занять позиции подлежащего или дополнения. Эта причина и вызывает к жизни такие образования («синтаксические дериваты»), как *крас-от-а*, *бел-изн-а*, *писа-ни-е*. Таким образом, действующая причина порождения имен типа *выгул*, *отжим*, *нагар* — это необходимость того, чтобы смысл, выражаемый глаголами *выгулять*, *отжимать*, *нагорать*, мог занять синтаксическую позицию подлежащего или дополнения.

В подтверждение мыслей об «обратном» словообразовании можно привести следующее рассуждение А.А. Потебни. На вопрос о том, откуда нам известно, что санскритские слова *гир* 'речь', *двиги* 'враг' являются грамматически сложными, то есть являются именами в определенной грамматической форме, Потебня отвечает, что их грамматическая определенность является «отражением болѣе наглядной сложности других словъ. Потому *двиги* понималось как имя, что рядомъ съ нимъ было сложное *двѣш-ми* (или другая болѣе древняя форма этого рода), имѣвшее функцію глагола» [6. С. 10]. То есть *припев* потому имя, что есть глагол *припевать*. В этом «закон и пророки» «обратного» словообразования.

Важной особенностью «обратного» образования имен от глаголов является то, что производящий глагол сам является производным; иначе говоря, производя-

щим глаголом обязательно является производный производящий. Этот факт был уже отмечен Н.М. Шанским, который, правда, считал, что имена от них произведены безаффиксным способом: «Большинство слов, образованных безаффиксным способом словообразования, имеют в своем составе префиксы. Однако эти приставки имелись уже в образующей основе глагола или прилагательного. Слова *проход*, *подвоз*, *вывих*, *возврат*, *нечисть* и т.п. образовались не при помощи приставок *про-*, *под-*, *воз-*, *не-* от слов *ход*, *воз*, *вих*, *врат*, *чисть*, а являются безаффиксными образованиями от слов *проходить*, *подвозить*, *вывихнуть*, *возвратить*, *нечистый*, содержащих в своей основе приставки. Те затруднения, которые могут возникать при определении способа образования подобного рода слов (*осмотр*, *разбег* и т.п.) — безаффиксные или это образования от слов с приставками (от *осмотреть*, *разбежаться* и т.п.), или это префиксальные образования (от слов *смотр*, *бег* и др.), то есть слова, образованные при помощи приставки, почти всегда вполне разрешимы при учете соотношенности производной и производящей основ и сферы действия и продуктивности префиксально-го и безаффиксного способов словообразования. <...>

В известной степени действенным безаффиксным способом словообразования в современном русском языке выступает лишь в производстве существительных мужского рода от префиксальных глаголов, не являющихся явно отыменными (ср. *разбег* от *разбежаться*, *присед* от *приседать*, *обжиг* от *обжигать*, *взрыв* от *взрывать*, *прогул* от *прогулять*, *обогрев* от *обогревать*, *настриг* от *настригать*, *отлов* от *отловить*, *заплыв* от *заплывать*, *накал* от *накаливать*, *отстрел* от *отстреливать*, *прицеп* от *прицепить* и т.д.).

От бесприставочных глаголов существительные этим способом сейчас не образуются. А от глаголов явно отыменного происхождения они не образовывались и раньше» [8. С. 285–286].

К этим верным наблюдениям нужно сделать два уточнения. а) Все указанные имена образованы не безаффиксным способом, а путем «обратного» словообразования. Однако в каждом отдельном случае, предупреждает Шанский, важно сообразоваться с историей, то есть прежде всего различать прямое и обратное словообразование, *ход* → *ходить*, с одной стороны, и *припев* ← *припевать*, с другой. б) В связи с отыменным характером глаголов 2-го спряжения пример с глаголом *прицепить* как раз характерен для отыменных глаголов: *прицеп* > *прицепить*, как *пылесос* > *пылесосить*. Следовательно, его надо исключить из «безаффиксного», по Шанскому, либо «обратному», по излагаемой здесь концепции, словообразованию. Это обычное прямое образование по модели «имя → глагол».

Более поздние модели прямого словообразования по модели «глагол → имя» вроде *входить* → *вхождение* сформировали ложное представление о единственно возможном направлении словообразования, несмотря даже на некоторую продолжающуюся продуктивность модели «имя → глагол» (*пылесос* → *пылесосить*, *пиар* → *пиарить*, *бездельник* → *бездельничать*). Она, как видим, представлена более широко старыми связями, которые не исчезли бесследно, а послужили образцом для «обратного» словообразования многочисленных образований типа *наплыв*, *срыв*, *заскок*.

Следует также сказать, что модель «обратного» словообразования действует не только в отношении «имя ← глагол», но и в отношении «имя ← прилагательное», например, *нечист* < *нечистый*.

Разновидностью «обратного» словообразования является способ, который можно назвать «обратным» словообразованием с суффиксацией; имеются в виду такие слова, как *подстилка* < *подстилать*, *стирка* < *стирать*, *заминка* < *заминать*, *ужимка* < *ужиматься*, *придирка* < *придираться* и проч.

Возникновение отвлеченных девербативов при помощи «обратного» словообразования — это один из частных случаев более сложной исторической картины образования отвлеченных имен существительных, соотносимых с глаголами. Жанр статьи позволяет сделать лишь предварительный обзор возможных типичных случаев.

1. Во-первых, следует назвать группу бесприставочных безсуффиксальных имен существительных, соотносительных с глаголами с корневым вокализмом на другой ступени аблаута: *возь* — *везти*, *гробь* — *гребу*, *громь* — *греметь*, *звонь* — *звенеть*, *морь* — *мерети*, *плоть* — *плету*, *рокь* — *реци*, *сокь* — *секж*, *сждь* — *сидьти*, *садь* — *седло*, *сль* — *посылати*, *токь* — *тещи*, *тржсь* — *трасти*, *ходь* — *шьдь*, *чась* — *чести*. Эти имена не могут быть производными от глаголов, они лишь соотносительны с ними по смыслу, но образованы непосредственно от корня с помощью древних именных суффиксов **ѡ* или **ѣ*. Многие из этих слов утратили первичное значение отвлеченного действия, сохранив вторичное значение, возникшее на основе метонимического переноса, а именно значение результата этого действия или предмета, возникшего в результате этого действия. От многих из этих имен образованы вторичные глаголы 4-го класса: *возити*, *гробити*, *громити*, *звонити*, *морити*, *садити*, *точити*, *ходити*.
2. Во-вторых, это группа бесприставочных имен, образованных суффиксальным способом: *бра-*

к-ъ, *зра-к-ъ*, *мра-к-ъ*, *гла-с-ъ*, *голо-с-ъ*, *пот-ъ* < **рок-t-ѡ-s*, ср. **pekti*, блж-*ѡ-ъ* < **blon-d-*, *гнѣ-в-ъ*, *кро-в-ъ*. Обращает на себя внимание тот факт, что эти имена образованы от корней на именной ступени аблаута, то есть не являются девербативами. Что касается значения, то они обозначают не столько действие, сколько результат действия, обозначенного именной основой. От некоторых из этих имен также образованы вторичные глаголы 4-го класса: *блудить*, *морочить*, *гласить*, *гневить* и т.д.

3. В-третьих, это группа приставочных девербативов, возникших путем «обратного» словообразования: *припев*, *посыл*, *ответ* и др. Об отглагольном происхождении некоторых из них говорит то, что некоторые из них так и не сформировали полноценную парадигму склонения и употребляются только в строго определенных устойчивых словосочетаниях: *танцевать до упаду*, *болтать без умолку* и пр.
4. В-четвертых, это группа отглагольных (зачастую — «отпричастных») имен существительных, возникших суффиксальным способом, то есть путем «прямого» словообразования: *скакать* → *скака-ниѣ-е*, *развлекать* → *развлеч-ен* → *развлечен-иѣ-е* и др.

Наиболее проблематичной в историческом отношении является группа приставочных имен, соотносительных с глаголами 4-го класса. Каким было исторически реальное направление словообразования: *ходить* → *входить* → *входити* или *ходить* → *ходити* → *входити* → *входить*?

В отношении подобных имен возможны на предварительном этапе лишь вероятностные суждения. Так, вероятнее всего существительные *зарок*, *порок* являются отыменными; если предполагать их «обратное» словообразование, то придется предполагать существование незафиксированных глаголов **рочити* и **зарочити*: *рокь* → **рочити* → **зарочити* → *зарокь*; *рокь* → **рочити* → *порочити* → *порокь*.

В отношении имен *вход*, *выход*, *доход*, *обход* таких предположений делать не нужно, поэтому аргументом в ту или иную сторону может быть относительная хронология их появления в литературном употреблении. Если, по данным СлРЯ XI–XVII вв., гл. *входити* известен с 945 г. (хотя и по списку Лаврентьевской летописи 1373 г.), а сущ. *входь* — с XII в. (правда, по списку XV в.); если гл. *выходити* известен с 1113 г. (по списку 1496 г.), сущ. *выходь* — с 1130 г.; если гл. *доходити* известен с XIII в., а сущ. *доходь* 'расстояние, которое нужно пройти, проехать до какого-л. места' — с 1596 г.; если гл. *обходити* известен с 1073 г., а сущ.

обходъ — с 1561 г., то с большей вероятностью можно утверждать, что имена *вход*, *выход*, *доход*, *обход* являются девербативами, образованными путем «обратного» словообразования. Следует, однако, заметить, что этот критерий не очень надежен в силу крайней неполноты наших письменных источников, особенно древнейшей поры. Общий вывод на данном этапе таков: каждый случай имени со значением отвлеченного

действия или состояния должен быть исследован отдельно.

Что касается темы статьи, то хочется надеяться, что предложенная гипотеза более широкого понимания того, что представляет собой феномен «обратного» словообразования, вызовет некоторый интерес со стороны специалистов по словообразованию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука, 1980. 783 с.
2. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. Этимология. Изд. 7-е. М.: URSS, 2006. 287 с.
3. Добродомов И. Г., Камчатнов А. М. Дериватологические призраки // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 3 (57). С. 13–20.
4. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М.: Просвещение, 1973. 304 с.
5. Николина Н. А., Фролова Е. А., Литвинова М. М. Словообразование современного русского языка. М.: Academia, 2005. 160 с.
6. Потенба А. А. Из записок по русской грамматике. I. Введение. Воронеж: Тип. Н. Д. Гольдштейн, 1874. 161 с.
7. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. М.: Наука, 1975–2015.
8. Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию. Изд. 3-е. М.: URSS, 2010. 334 с.
9. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 2 // Под. ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1975. 238 с.
10. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 7 // Под. ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1980. 224 с.

© Добродомов Игорь Георгиевич (lg4@mail.ru), Камчатнов Александр Михайлович (asya28@list.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Московский педагогический государственный университет